

Для этой пленницы, которая умудрялась оставаться в живых, несмотря на бесконечные удары плетью, даже крепкое телосложение и начальные навыки боевых искусств не стали бы спасением. Если бы не лучшие целебные снадобья из Дворца Цюньин, которыми её пичкала Хэ Янься, она вряд ли дотянула бы до сегодняшнего дня.

Хотя именно Хэ Янься превратила её в то, чем она стала, внутри неё по-прежнему клочкотал яростный гнев. Но если бы она захотела выплеснуть его, то поняла бы, что адресовать эту злость некуда, кроме как самой себе. Выражение лица Хэ Янься постоянно менялось, пугая подчинённых, которые дрожали перед ней, словно птицы, слышавшие звон тетивы. Лишь матушка Ма смотрела на это с едва уловимой усмешкой, но, не смея открыто улыбнуться, она лишь застыла с каменным лицом, с трудом сдерживая смех.

Заметив состояние своей госпожи, один из подчинённых робко спросил:

— Как нам поступить с той, что подвешена там?

— Снимите её и несите обратно, ждите лекаря, чтобы он занялся её ранами, — в голосе Хэ Янься всё ещё слышались нотки раздражения. Прислужники, до смерти боясь сделать что-то не так и снова разгневать госпожу, поспешно сняли Му Цзышань и, позвав ещё двоих, понесли её в пыточную.

— Стойте!

Звонкий голос Хэ Янься заставил тех, кто нёс Му Цзышань, остановиться. Они поспешно развернулись, продолжая держать пленницу, и опустились на колени.

— Какие будут указания, госпожа?

— Вы её сначала... — Хэ Янься внезапно осеклась. Слуги замерли в тревоге, не смея ни дышать, ни переспросить, а она словно нарочно тянула время, глядя на них так, что те были готовы упасть в обморок от страха. Наконец она договорила: — Отнесите её в мои покои.

Голос был негромким, но все присутствующие отчётливо слышали каждое слово. Они застыли в оцепенении, не веря своим ушам. Всем было известно, что госпожа никогда не позволяла посторонним входить в свои покои. Даже самые доверенные главы приказов видели их лишь мельком, а любимых наложниц Красная госпожа дворца никогда не оставляла ночевать у себя.

А теперь она приказала принести шпионку, которую пытали почти два месяца, прямо в её спальню! Слуги переглянулись, надеясь увидеть в глазах других сомнение, но в каждом взгляде читалось одно и то же недоумение. Неужели спросить её, не ошиблась ли она? Никто не осмелился бы на такое.

Пока они колебались, решая, кто из них станет смертником, который осмелится переспросить, госпожа взорвалась:

— Вы что, оглохли? Я сказала: отнесите её в мои покои!

Прислужников словно ударило током. Сомнений больше не осталось. Хотя их мучил вопрос, зачем госпоже понадобилось селить эту женщину у себя, они понимали: задавать вопросы о мотивах Красной госпожи — всё равно что добровольно идти на плаху. Не смея больше медлить, они поспешно понесли Му Цзышань в сторону покоев Хэ Янься, боясь, что любая задержка обернётся для них гибелью.

Семидневный ветер (часть 2)

Приглашённые лекари выстроились перед Хэ Янься, лица у каждого были пепельно-серыми. Несколько минутами ранее один из врачей, засмотревшись на неё и неосторожно обронив фразу о том, какая она редкая красавица, навлек на себя гнев Красной госпожи. По её приказу его тут же выволокли наружу и ослепили.

Теперь остальные лекари, лучшие светила медицины в округе, стояли, опустив головы, боясь даже взглянуть в сторону Хэ Янься. Люди Дворца Цюньин, опасаясь гнева госпожи, собрали всех врачей, до которых смогли дотянуться, а некоторых отправили в другие земли за прославленными целителями.

— Вы все умеете лечить Семидневный ветер? — холодный голос Хэ Янься донёсся сверху. Лекари вздрогнули, не зная, как ответить.

— Госпожа, вы не знаете, но Семидневный ветер — это древний недуг, который считается неизлечимым. Даже величайшим врачам трудно вернуть к жизни того, кого он поразил, — честно ответил один из них. Но честность при дворе Красной госпожи не считалась добродетелью. В ответ он получил лишь испепеляющий взгляд и зловещую усмешку.

— Хорошо. Если ты не вылечишь её, то отправишься вслед за ней в преисподнюю и будешь лечить её там, как тебе такая идея?

Лекаря прошиб холодный пот, и он принялся уверять, что сделает всё возможное. Остальные врачи, понимая, что теперь они связаны одной судьбой, начали наперебой обещать, что приложат все силы, чтобы вытащить пленницу даже с того света.

Хэ Янься холодно усмехнулась и, не говоря больше ни слова, вышла из комнаты, оставив врачей и слуг наедине с их задачей.

Выйдя наружу, она увидела матушку Ма, которая ждала её у дверей с едва заметной улыбкой. Это выражение лица неприятно кольнуло Хэ Янься. Несмотря на бушевавший внутри гнев, на матушку Ма выплеснуть его она не могла.

— В молодости я была очень похожа на тебя, — внезапно сказала матушка Ма. Хэ Янься растерялась, не зная, как реагировать на такие слова, и просто молча встала рядом.

— В те времена моё имя гремело по всему миру, одного упоминания было достаточно, чтобы вселить ужас в сердца многих, — матушка Ма с ностальгией смотрела вдаль, её взгляд был полон воспоминаний. У Хэ Янься дёрнулся уголок рта.

— Твоё имя? Ма Цуйхуа?

Честно говоря, это имя совершенно не вязалось с образом главы приказа Раскалывающая скала. Поэтому в секте её называли просто главой приказа, а Хэ Янься почтительно величала матушкой Ма. Имя было настолько нелепым, что даже такая бесцеремонная женщина, как Хэ Янься, не решалась произносить его вслух.

— Прости, я никогда о таком не слышала, — отрезала Хэ Янься, прерывая её воспоминания.

Мало кто знал, что матушка Ма — это не просто прозвище, а вынужденная мера. Даже многие члены секты не знали её настоящего имени, а в мире боевых искусств её прошлое считалось окутанным тайной. Хэ Янься знала лишь, что много лет назад та появилась при дворце тяжело раненной, долго восстанавливалась, была замкнутой и жила особняком. Лишь когда Хэ Янься сместила Ю Лую, матушка Ма вышла из тени как её правая рука, поразив всех мастерством, которое так долго скрывала.

— Кхе-кхе, госпожа, вы совсем не жалеете старуху, — матушка Ма кашлянула, но не обиделась. — Конечно, моё имя не Ма Цуйхуа. Это был просто вымысел, а потом все привыкли, и я не стала менять.

Хэ Янься не удивилась. В мире боевых искусств тысячи людей скрывают свои настоящие имена.

— Когда я впервые увидела тебя, то подумала: эта девчонка так похожа на меня в молодости... Те же повадки, те же привычки, — продолжала матушка Ма.

Хэ Янься снова поморщилась, но, видя, с каким увлечением та говорит, решила промолчать.

— Я любила кроликов. Милые, послушные, кроткие... Но чем больше я что-то любила, тем сильнее мне хотелось это мучить...

Хэ Янься смотрела на гладь озера перед домом. В её глазах, обычно холодных и острых, промелькнула тень растерянности. Матушка Ма тоже смотрела на воду, её лицо смягчилось.

— А что было потом? — спустя долгое время спросила Хэ Янься.

— Потом?

— Что стало с тем кроликом? — Хэ Янься вглядывалась в отражение в воде, словно ища там ответ.

Матушка Ма долго молчала. В её глазах застыла невыразимая печаль, с лица исчезла привычная ирония.

— Потом кролик умер... И мне стало неинтересно мучить дохлого зверя.

Её взгляд погас, улыбка исчезла. В тот день матушка Ма больше не произнесла ни слова и ушла, не попрощавшись. Хэ Янься ещё долго стояла у озера, прежде чем вернуться в комнату.

Лекари наконец составили рецепт. Хэ Янься велела им немедленно приступить к подготовке, а сама вошла проведать Му Цзышань. Слуги окружили её, докладывая о лечении, но она лишь кивала, не произнося ни слова.

— Госпожа, лекари говорят, чтобы вылечить Семидневный ветер, нужно вскрыть раны и промыть их крепким вином... — один из слуг замялся. — Это невыносимая боль. Она уже на грани смерти, если мы начнём, она может не выдержать.

Хэ Янься окинула их ледяным взглядом: если пленница умрёт, они все отправятся за ней. Никто не хотел брать на себя такую ответственность.

— Я сделаю это сама. Уходите.

Слуги были поражены. Красная госпожа, которая терпеть не могла пачкать руки и приходила в ярость от одной пылинки, сама вызвалась на такую грязную работу? Они поспешно поклонились и вышли.

На столе стояли кувшины с крепким вином, бинты и скальпель. Хэ Янься смотрела на Му Цзышань, чьи ресницы подрагивали, а тело сотрясала мелкая дрожь. Она коснулась её щеки, чувствуя странную смесь чувств. Эта женщина наконец показала свою слабость, но вместо торжества в сердце Хэ Янься возникла лишь болезненная жалость. Чего она хочет? Жизни или смерти для неё? Ответа не было.

Она раскалила нож над жаровней, села рядом, но рука долго не могла опуститься. Она видела эти шрамы — дело рук её же людей. Гнев на саму себя и противоречивые чувства душили её.

Пусть будет что будет. Сейчас она не хочет, чтобы та умирала.

Хэ Янься нажала на точки, чтобы пленница не дёргалась от боли, и наконец полоснула ножом. Му Цзышань в беспамятстве забилась в конвульсиях. Чтобы та не прикусила язык, Хэ Янься сунула ей в рот свою руку. Му Цзышань, обезумев от боли, вцепилась зубами в ладонь госпожи, прокусывая кожу до крови.

Хэ Янься, не обращая внимания на свою боль, продолжала работать скальпелем, стараясь закончить как можно быстрее. Когда пришло время лить вино, она на мгновение замешкалась, но затем решительно облила раны. Му Цзышань закричала, вцепившись в руку Хэ Янься ещё сильнее. Кровь из ладони госпожи текла ручьём.

Закончив, Хэ Янься быстро перебинтовала пленницу. Му Цзышань была сплошь покрыта бинтами, лишь голова осталась снаружи. Хэ Янься, обессиленная, отбросила инструменты. Она разжала челюсти Му Цзышань и высвободила свою ладонь — та была в глубоких следах от зубов, из которых сочилась кровь.

Она полила свою руку остатками вина, зашипев от жгучей боли. Глядя на свои раны, она подумала о том, сколько же боли перенесла та, чьи раны она только что вскрыла.

— Пусть это будет моим долгом тебе, — прошептала она. — Я знаю, что ты ненавидишь меня до глубины души. Пусть этот укус станет твоим ответом.

С тех пор в сердце Хэ Янься что-то изменилось. Больше не было желания сражаться с Му Цзышань, не было важно, склонит та голову или нет.

Она позвала слуг, чтобы убрать постель, переложила Му Цзышань, укрыла её, а сама легла на кушетку неподалёку. Слуги, увидев окровавленную ладонь госпожи, в ужасе попятились, не смея задать ни единого вопроса. В ту ночь Хэ Янься, измождённая, провалилась в глубокий сон.

Семидневный ветер (часть 3)

В последующие дни Хэ Янься регулярно промывала раны Му Цзышань вином и наносила лучшие мази. Му Цзышань приходила в себя, но тут же снова теряла сознание. Лекари жили в постоянном страхе, ожидая, что пленница вот-вот отправится к праотцам.

Хэ Янься больше не мучила её. Напротив, она лично ухаживала за ней, что вызывало всеобщее удивление. Никто не понимал, что происходит, но спрашивать Красную госпожу о причинах такой заботы никто не осмеливался.